

(Воспоминания Каюма Надеева, уроженца села
Татарская Свербеевка)

Самые ценные и поучительные картины из повседневной жизни людей – в воспоминаниях современников. Поиском этих свидетельств и занимается редакция нашей газеты. Нередко неустанные искания приносят удивительные, очень интересные результаты. Читатель, верно, помнит историю дворян Олферьевых, которая была опубликована на страницах газеты, и вот теперь предлагаем вашему вниманию подробное захватывающее описание быта и нравов татарских деревень: Свербеевка, Черемешево, Пензятка конца 19 начала 20 веков, которое оставил потомкам Каюм Джамалетдинович Надеев. Его уже давно нет с нами, но ценность его откровений с годами становится выше - перед взором читателей всплывают подробные картины жизни.

В СЕМЬЕ ДВЕНАДЦАТЬ ДЕТЕЙ

В нашей семье было двенадцать детей. Но трое умерли в раннем возрасте (от одного до двух лет). Младшая сестренка умерла от туберкулеза в возрасте восьми лет в 1937 году, звали ее Галия. Ходила уже во второй класс и вдруг заболела. Осенью она провалилась в яму, заполненную водой, простудилась и спустя три месяца скончалась. Для нас это была большая потеря.

Отец Джамалетдин Абдульмянович родился 1 мая 1883 года (по паспорту). На самом деле он родился в 1884 году. Я сам видел запись об этом в книге регистрации рождений. Тогда записи о рождении детей вел мулла на арабском языке. А фамилия у него была в детстве Биккулов. Отец его Абдульмян, мой дед, умер рано, когда отцу моему было всего восемь лет. Жили они под Сызранью, в помещичьем имении Заборовка. Служил мой дед у помещика управляющим имением, и был он, по рассказам бабушки, смелым, хорошим наездником. В 1891 году заболел дизентерией и вскоре скончался. Бабушка с сыном вернулись в родное село и стали жить у ее отца Невматуллы, который был крепким крестьянином, много трудился сам и научил этому своих сыновей. Земли у него было достаточно, чтобы прокормить всю семью и излишки вывозить на базар. Кроме того, он имел большую пасеку. Его сыновья Нясибулла и Салимджан были его умелыми помощниками. Вот в этой семье и стал жить мой отец, помогая деду по хозяйству.

ПЕШКОМ - В ТАМБОВ

Пасека в летнее время находилась на опушке Казенного леса, километрах в трех от села. Отцу приходилось помогать деду на пасеке: следить за пчелами, выкачивать мед. Как рассказывала бабушка, меда у них было много, по традиции в день сбора угощали медом всех родственников и соседей. Бабушка моя вышла замуж за вдовца Зулькарня. Отчим был крутого нрава и скупым, отца он невлюбил и поэтому тот оставался у бабушки. Вскоре у них появились свои дети: Эсма в 1899 году и Фатима в 1901 году. В

эти же годы, точнее в 1900 году, умер дедушка отца, и семнадцатилетний парень уехал в Тамбов и нанялся батраком в помещичье имение. Тогда еще железной дороги до Тамбова не было, в основном люди ездили из наших мест в Тамбов на лошадях, а многие ходили пешком. В 1902 году их постигла вторая беда — умер Зулкарнай, и бабушка осталась с двумя маленькими девочками. Отца вызвали домой телеграммой. Нанимать ямщика или хотя бы извозчика денег не было, и он пошел пешком. Как он потом рассказывал, за несколько дней добрался до Рузаевки и уже на подходе к родному селу верстах в пятнадцати встретил односельчанина, который шел в Тамбов. Спросил, как поживают его мать и сестренки, а в ответ слышит: «А что с ними сделается, все, слава Богу, живы и здоровы». Отцу стало нехорошо. Значит, телеграмма была ложная? Его вызвали не по причине смерти отчима? Но оказалось, что отчима похоронили уже три недели назад. «Можешь идти домой спокойно, теперь тебя никто обижать не будет», — сказал знакомый. Это известие успокоило отца.

«Владей и хозяйствуй»

Теперь уже Аминя стала хозяйкой: во дворе лошадь, корова, овцы и другая живность; в амбарах и сусеках лежит зерно, крупы, мука, горох и другие продукты; висят выделанные овечьи шкуры, посыпанные нафталином; сушится шерсть; на полях еще не убранные конопля, лен, не обмолоченные скирды и т. д.

«Вот, — сказала мать сыну, — владей и хозяйствуй. Будем думать, как устроить твоё счастье». Вскоре после окончания всех полевых работ она начала осуществлять свою мечту, «устраивать счастье» сыну. Облюбовала в соседнем селе Таласлау (Черемешево) будущую мою мать Бядри Жамьяль Мустафа Кызы Аитову. Она была сирота — матери уже не было, в доме хозяйничала мачеха, отец Мустафа все время находился на отхожем промысле по плотническим делам — он был маститым «мостовиком» — строил мосты. Сухощавого телосложения, довольно высокий, с реденькой бороденкой, а руки длинные. Видимо, от того, что всегда работал топором, они и вытянулись сверх положенного. Я помню его хорошо. Он часто приезжал со своей женой к нам в гости. Поздно вечером, собираясь домой, подходил ко мне и, прощаясь, целовал в лоб (мне было в то время около пяти лет). Он соорудил нам добротные вещи: обеденный стол, входные двери, скамейки, сусеки, ларь, конюшню, клеть на улице.

Будущие сватья Аминя и Мустафа назначили встречу в Саранске, в трактире. Там же условились обо всем: о калыме, о приданом, об организации свадьбы. В те времена свадьбы устраивали с обеих сторон: сначала гуляли в доме невесты, а потом — в доме жениха. Отец мой увидел свою невесту накануне свадьбы. Такой был порядок. Мать выбрала для сына невесту, значит, она знает, какую выбирать. Плохую уж не выберет. Если она росла без матери, значит, работящая, умеет печь хлеб, доить корову, стирать и шить, может работать за ткацким станком и прялкой.

С той поры моя мать запряглась в «телегу». Надела на себя большой «хомут». Пошли дети один за другим: Шарифья — 1905 год, Хакимья — 1907 год, Али — 1909 год, Вяли — 1912 год, Ряхиля — 1914 год, Каюм (это я) — 1917 год, Сафук — 1919 год, Сара — 1921 год, Магирья — 1923 год, Нурибья — 1926 год, Галия — 1928 год, а позже в 1932 году появился наш последний братик Харис, за рождение которого мать в 1937 году получила государственное пособие в размере двух тысяч рублей. Нелегко было матери и бабушке управляться с хозяйством, растить и воспитывать детей, обеспечивать одеждой,

обувью, едой и всем необходимым. До революции землей наделяли только мужчин. В семье до 1909 года был только один мужчина — отец, остальные шесть едоков не имели права на земельный надел. Им приходилось обрабатывать землю горожан с условием в «исполу», то есть после сбора урожая земледелец платил владельцу земли половину своего урожая. Делать было нечего, надо было идти и на такие условия ради обеспечения семьи. Эти порядки аренды земли просуществовали до начала коллективизации. Мы ежегодно арендовали на таких условиях земли горожан по несколько десятин, а затем на своих лошадях привозили владельцу во двор отборные зерна ржи, овса, гороха, гречихи, чечевицы, льна, в общем, все, что сеяли и убирали. Зато солома оставалась у нас полностью. Никто из моих старших сестер и братьев не мог пожаловаться на то, что когда-нибудь в семье не хватило еды. А ведь из рассказа бабушки мне известны факты недоедания и голодания многих семей. Начиная с весны, коллективизация сельского хозяйства освободила нас и подобные нам единоличные хозяйства от этого тяжелого бремени.

Таким образом, отец Джамалетдин Абдульмянович Надеев стал главой семьи с 1903 года, и все заботы по хозяйству легли на него. Он пахал землю сохой. Это тяжелый труд: надо все время соху держать на руках, иначе лошадь не потянет. Убирали урожай серпом, молотили также вручную. В свободное от сельскохозяйственных работ время отец уезжал на заработки — на извоз. В своем городе работы было мало. Объединяясь в артели, мужики со своими лошадьми отправлялись на строительство железных дорог и на другие работы. Отец добирался даже до Архангельска, где работал грузчиком в морском порту. В годы Гражданской войны - охранником на саранской железнодорожной станции.

(Продолжение в следующем номере).